

ISSN 0350–185x, LXIX (2013)

UDK: 81–115 ; 811.163.2'366

ID: 199266316

DOI: 10.2298/JF11369185N

Примљено: 28. фебруара 2013.

Прихваћено: 5. априла 2013.

Оригинални научни рад

БОРИС Ю. НОРМАН*

Белорусский государственный университет

Кафедра теоретического и славянского языкознания

Минск

О ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАГРУЗКЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

(на материале морфологических категорий
болгарского языка)

В статье исследуется использование грамматических форм (репрезентантов морфологических категорий) для выражения дополнительных значений – таких, как симпатия, ирония, сомнение, недоверие, восхищение, возмущение и т.п. Все они составляют сферу языковой прагматики. В качестве объекта для наблюдений выбрана грамматическая система современного болгарского языка. Приводятся примеры прагматически обусловленного употребления форм вокатива, множественного числа, остатков падежей, различных глагольных времен и наклонений. Делается вывод, что всё, что в грамматике вариативно, не нейтрально, стилистически окрашено, имеет особую обусловленность личностями говорящего и слушающего, а также всё, что редко, – всё составляет потенциальную сферу прагматики.

Ключевые слова: *прагматика, грамматическая форма, грамматическое значение, болгарский язык, вокатив, число, время, наклонение.*

Лингвистическая прагматика – одно из наиболее популярных и перспективных направлений современного языкознания. Она вобрала в себя, охватила своими рамками целые разделы риторики и стилистики, теорию актов речи, вопросы эффективности общения, сферу модальности, в значительной степени – проблематику психо- и социолингвистики и т.д. Естественно, такой «всеядный», экспансионистский характер лингвистической прагматики ставит языковедов в тупик. «...Каковы ее границы? Можно ли усмотреть в когнитивной

* boris.norman@gmail.com

деятельности, например, в означивании какого-либо фрагмента действительности, прагматику? Несомненно. Но тогда из этого следует, что любой факт означивания действительности может быть отнесен к прагматике. Отсюда мы приходим к мысли, что прагматике подчинены и синтаксис, и семантика, что они вторичны по отношению к ней. Границы прагматики, таким образом, расплываются и теряют очертания» (Конюшкевич 2000: 67).

Если понимать под прагматикой аспекты значения, отражающие условия употребления языковых единиц и регулирующие отношения между говорящим и слушающим, то, действительно, любая языковая единица может иметь в речи прагматический аспект. Просто иногда он более очевиден (как в случаях с оценочной лексикой, словообразовательными окказионализмами, побудительными предложениями и т.п.), а иногда – скрыт. Можно сказать, что составляющие плана содержания языкового знака – семантика, синтактика, сигматика и прагматика – не только «поддерживают» друг друга, но в каком-то смысле и конкурируют между собой. Чем значительнее в этом содержании доля семантики или сигматики, тем, по-видимому, меньше места остается для прагматического аспекта, и наоборот (ср.: АПресян 1995: 141–142).

Но с грамматикой вопрос особый. Ведь прагматический аспект подразумевает некоторую возможность выбора языковой единицы. Говорящий может предпочесть оценочную номинацию нейтральной (или наоборот), окказиональную конструкцию – узуальной (или, опять-таки, наоборот)... А грамматические значения и отличаются от лексических тем, что сильно ограничивают свободу выбора соответствующей языковой единицы. Заданная коммуникативной интенцией структура текста довольно жестко обуславливает выбор конкретной синтаксической модели, а та, в свою очередь, определяет для говорящего диапазон используемых грамматических форм. Поскольку грамматические значения имеют массовый, «классный» характер (принадлежат целому классу слов), не «опускаются» до уровня отдельного референта, то они с максимальной степенью обобщения отражают человеческий опыт. По словам когнитивиста Л. Талми, «грамматические характеристики в предложении обеспечивают концептуальную рамку, образно говоря, скелет или строительные леса для концептуального материала, выраженного лексически» (Талми 1999: 91–92).

И все же «нежесткий» характер языковой системы оставляет для носителя языка определенную возможность варьирования и в

том, что касается грамматических единиц. Конечно, это варьирование несопоставимо со свободой выбора слов, и потому грамматика значительно «менее прагматична», чем лексика. И, тем не менее, морфологические формы могут использоваться для передачи «посторонних» значений, обслуживающих отношения говорящего и слушающего или выражающих отношение говорящего к тем фактам, о которых идет речь.

Как отмечал Ч. Филлмор, следует различать три вида прагматических знаний: а) основанные на понимании того, почему именно такой смысл представлен именно в такой ситуации; б) основанные на конвенции о том, какого рода смыслы вообще могут выражаться людьми в подобном контексте; и в) заложенные в грамматических структурах языка (FILLMORE 1966: 68). Первый вид прагматической информации можно было бы условно назвать контекстуальным (индивидуальным), второй – общезыковым (коммуникативным) и третий – структурным (грамматическим). Вот этот третий вид прагматических значений и будет нас в данном случае интересовать. Скажем сразу: практически любая грамматическая категория на своей периферии – среди форм и значений, маркированных новизной или архаичностью, той или иной степенью окказиональности или же особо жесткой лексической ограниченностью и т.д. – содержит элементы, обслуживающие социальные функции речи. Всё, что в грамматике не нейтрально, стилистически окрашено, имеет особую обусловленность личностями говорящего и слушающего, в конце концов, всё, что редко, всё – прагматика.

В качестве объекта для своих наблюдений мы выберем грамматическую систему современного болгарского языка. Надо сказать, что материал болгарской грамматики уже не раз анализировался под данным углом зрения (см.: Ницолова 1984; Иванова, Ницолова 1995; Ницолова 2008; Димитрова 2009, Норман 2009, Норман 2009а и др.) Однако богатство прагматических оттенков в данной сфере трудно может быть исчислено. И в данном случае мы обратим внимание только на некоторые особенности функционирования морфологических категорий в болгарском, выделяющиеся на фоне сопоставления с русским языком.

Практически любой факт избыточности парадигмы, предполагающий альтернативу выбора, таит в себе возможность прагматического использования. Язык не любит форм, семантически дублирующих друг друга и старается их «развести»; одна из них, а то и обе, приобретают дополнительные оттенки.

В частности, если носитель болгарского языка хочет позвать кого-то, обратиться к собеседнику по имени или по статусу т.п., то у него есть две основные возможности: употребить специальную морфологическую форму (вокатив) или же так называемую общую форму имени. Допустим, к женщине по имени *Здравка* можно обратиться *Здравке*, а можно – *Здравка*. Слово *приятел* ‘друг, приятель’ может использоваться при обращении именно в такой, общей форме (свидетельствующей о некоторой дистанции или даже антипатии по отношению к адресату), а может – в специальной звательной форме: *приятелю* (сигнализирующей, как правило, симпатию и дружелюбие). Уже целое столетие болгарские языковеды дискутируют по поводу судьбы звательной формы и тенденций ее развития, и в целом сходятся в мнении, что она обречена. На это косвенно намекает и судьба вокатива в других славянских языках. Но вот совсем свежее признание: «В разговорной речи обращения, представленные собственными личными именами, чаще выбирают звательную форму. Интуитивная смена формы в соответствии со сферой речи даже у информаторов, которые являются ее [звательной формы – Б.Н.] противниками, показывает, что кое-кто из ученых поторопился с языковыми прогнозами, предрекая полное исчезновение звательных форм в недалеком будущем. Это недалекое будущее длится уже более века» (РАДЕВА 2012: 68– 69).

По большому счету, звательная форма как элемент языка неэкономна: она обслуживает сравнительно редкие речевые ситуации, образуется от весьма ограниченного круга лексики, плохо совместима с граммемой множественного числа и т.п. В то же время из речевой практики известно, что в отсутствие специального морфологического показателя обращение к другому человеку может эффективно сигнализироваться при помощи иных средств: интонации, просодики, мимики, жестикуляции и т.п. Это служит своего рода оправданием для постепенного «ухода» вокатива из морфологической системы славянских языков. Однако в каждом языке этот процесс характеризуется своими особенностями (см.: НИЦОЛОВА 1984: 45).

В современном болгарском «выдавливание» звательной формы общей формой существительного наиболее очевидно происходит применительно к женским именам на *-а* (*Елена, Мария, Райна, Калина, Маргарита* и т.п.). Звательные формы вроде *Елено, Марийо, Райно, Калино, Маргарито* кажутся носителям языка «грубыми», «низкими», «деревенскими», а представители молодого поколения

используют их в основном в шутовском или ироническом ключе (см.: ПЪРВЕВ 1978: 230). Но и мужские имена типа *Иван, Борис, Боян, Александър, Димитър* и т.п. нередко употребляются именно в такой – общей – форме вместо в принципе возможных вариантов *Иване, Борисе, Бояне, Александре, Димитре*. Общая форма считается при этом более «интеллигентной» и престижной. А от изначально свойственной вокативу неофициальности и интимности – один шаг до «простецкости» и грубости. В целом же считается, что окончанию вокатива *-е* в меньшей степени присущ грубый или пренебрежительный оттенок, чем окончанию *-о* (что можно объяснить с фонологической точки зрения).

Разумеется, в позиции обращения может оказаться и существительное, обозначающее не лицо, а предмет или отвлеченную субстанцию, как, например, в следующем контексте:

Той не се докачи много-много, а пристъпи към нас и запита:

– Кой ти е тебе тука, **класо** селска и непросветена, авангарда?
(К. Атанасов. Сага за селото).

Но и в такой ситуации форма вокатива активно теснится общей формой имени (вместо *класо* можно сказать *класа*).

Кроме звательной и общей формы имени, в позиции обращения в болгарском языке может также употребляться членная форма (с постпозитивным артиклем). На эту особенность в свое время обратил внимание С. ИВАНЧЕВ. По его свидетельству, к кондуктору можно обратиться по-болгарски трояким образом: *кондукторе, кондуктор* и *кондуктора*. Причем последний способ (с артиклем) употребляется обычно применительно к человеку, «которого мы не знаем, как зовут по имени, и к которому у нас нет какого-то особого, прямого и близкого отношения» (ИВАНЧЕВ 1978: 217). С одной стороны, данный факт по-своему подтверждает внутреннюю связь, которая существует в семантике между вокативностью и идентификацией (см.: ГАВАЛОВА 2004: 142). А с другой стороны, мы видим, что у говорящего тем самым появляется дополнительное формальное средство обращения, имеющее некоторую социальную мотивировку.

Добавим также, что в болгарском существует некоторое количество специальных лексико-грамматических средств, использующихся в качестве обращения. Это касается, в частности, ситуации внутрисемейного общения, в которой естественны обращения типа *татко, тате, тейко* – к отцу, *мамо, майче, маме, мамче* – к матери, *бате, батко, батьо, бати* – к старшему брату, *како* – к старшей сестре и т.д. Все они, естественно, маркированы уменьшительно-ласкатель-

ным оттенком. Особо стоит сказать о так называемых «обратных» обращениях, в которых говорящий именуется адресата (ребенка), опираясь на свой собственный статус. Так, мать (*майка, мама*) может обратиться к сыну или дочери с помощью одного из слов: *мамино-то, мама, маме, мамо* и т.п.; точно так же тетя (*леля*) обращается к племяннику или племяннице с помощью *лелиното, леля, лели* и т.п. И это тоже прагматически насыщенные номинации.

Таким образом, при выборе той или иной формы обращения в современном болгарском языке играют роль по крайней мере следующие разнородные факторы:

- женский или мужской пол лица (адресата) и, соответственно, женский или мужской род существительного;
- знакомость (для говорящего) или незнакомость адресата;
- официальный или «интимный» характер обращения, статус адресата и адресанта, общая «модальная рамка» речевой ситуации;
- «родное» или иностранное (заимствованное) происхождение имени существительного;
- нарицательный или собственный тип семантики имени;
- морфонологические особенности имени (суффикс основы).

Но для нас важно то, что, будучи не вполне необходимой со строго грамматических позиций, форма вокатива, как мы видим, принимает на себя неграмматическую, «постороннюю» смысловую нагрузку. Речевая «расшатанность» ситуации обращения позволяет говорящему в каждом случае выразить дополнительную эмоцию, и диапазон этих оттенков простирается от презрения, иронии, грубого вызова до прочувствованной симпатии и умиления. Таким образом, на базе грамматической функции вырастает целый букет прагматических коннотаций. Можно утверждать, что звательная форма в современном болгарском языке выполняет не столько собственно вокативную, сколько квалификативно-оценочную, субъективно-модальную функцию (ср.: Ницолова 1984: 43–44, 65–66; Радева 2012: 68).

Обратимся теперь к другим грамматическим категориям имени. Категории падежа в современном болгарском языке нет; синтаксические отношения имени выражаются в основном с помощью порядка слов, предлогов и других аналитических средств. Однако в грамматической системе представлены следы склонения: это отдельные падежные формы существительного, сохранившиеся в составе цитат, крылатых выражений и пословиц, например: *Петима Петка не чакат* (пословица); *Гарван гарвану око не вади* (послови-

ца); *Мама Стояну думаше* (народная песня), *Блазе човеку като мен* (эстрадная песня), *Майце си* (стихотворение Христо Ботева) и т.п. Как и любые некротизмы (мертвые, отжившие формы), они несут определенную прагматическую нагрузку. Отсылая носителя языка к прошлой эпохе, они, вместе с тем, предполагают некоторую его толерантность по отношению к отклонениям от нормы. Можно сказать, что использование некротизмов формирует определенного (образованного) пользователя и несет на себе печать личностной ориентации языкового знака.

Небезразлична к выражению прагматических значений в болгарском языке оказывается и категория числа. В этой сфере следует отметить, во-первых, бóльшую, чем в русском, регулярность оппозиции «единственное число – множественное число». Количество существительных, относимых к подклассу *pluralia tantum*, представляется в болгарском меньшим, чем в русском (ср. такие двучисловые имена, как *шейна* ‘сани’, *ножица* ‘ножницы’, *часовник* ‘часы’, *люлка* ‘качели’, *помия* ‘помои’, *каймак* ‘сливки’, *парфюм* ‘духи’, *панталон* ‘брюки’, *менгеме* ‘тиски’ и т.п.). В то же время такие существительные, как *малина*, *смях*, *критика*, *техника*, *борба*, *отговорност*, *съществуване*, легко приобретают в текстах значения и формы множественного числа. Сравним с ними русские слова *малина*, *смех*, *критика*, *техника*, *борьба*, *ответственность*, *существование*, которые остаются в рамках *singularia tantum*. И приведем два примера.

Просьлзените му очи издаваха мъката на душата му. Мрачен, неспокоен, той си отиваше и се отърсваше така от **отговорностите**, които действително не трябваше да тежат върху него (Султана Р. Петрова. Из моите спомени).

Отвътре, откъмто залите и тремове на двореца ми, се носеше висок говор, **смехове** и музика (В. Мутафчиева. Случаят Джем).

По-видимому, у нас нет оснований говорить о «большей грамматичности» числа в болгарском языке в сравнении с русским. Однако сокращение количества «однословных» существительных работает на универсализацию данной категории и ментальное «освоение» понятия множественности. Возможно, в связи с этим стоит упомянуть и регулярность образования в болгарском языке форм множественного числа от заимствованных из европейских языков слов: *кино* – *кина*, *палто* – *палта*, *кенгуру* – *кенгура*, *такси* – *таксита* и т.п.

Напомним еще, что любой факт избыточности парадигмы, создающий для говорящего альтернативу выбора, чреват прагматиче-

скими коннотациями. Некоторые болгарские существительные испытывают колебания в образовании плюральных форм. И особенно интересны в этом отношении народно-просторечные формы множественного числа типа *нивя*, *женурия*, *къщя*, *книжа* (обычно от существительных женского рода, часто с экспрессивным суффиксом), но также *даскаля*, *турча*, *професоря* и т.п. Кроме указания на собирательность и «народность», эти формы обычно содержат некоторый пренебрежительный или иронический оттенок (см.: ДИМИТРОВА (red.) 1997: 67). Одна иллюстрация:

Наподире ни нагази миграцията... Вземаха хората да се изселват! Почнаха **къщя** да се затварят (К. Атанасов. Сага за селото).

Яркие примеры прагматического использования грамматических форм в болгарском языке связаны с глагольной категорией времени. Мы уже отмечали, что «разветвленность и богатство темпоральной системы болгарского языка обуславливает и даже прямо способствует развитию разнообразных модальных значений, в том числе грамем, специфических на общеславянском языковом фоне» (НОРМАН 1994: 180).

Действительно, семантически сложные времена вроде «будущего в прошедшем» или «будущего предварительного в прошедшем» не просто соотносят между собой в рамках высказывания различные действия или состояния, но и отражают точку зрения говорящего на эти действия и состояния, т.е. сочетают в себе таксисные и модусные значения. Их прямое, основное значение – это действие, которое должно было произойти после некоторого момента в прошлом. Отсюда вытекает семантический оттенок намерения или готовности субъекта что-то сделать. А это значение столь же естественно переходит в более общий план возможности или долженствования. Не случайно глагольные формы типа *щях да чета* или *щях да съм прочел* являются для болгаристов предметом давних дискуссий: представители ли это времени или наклонения? Справедливость этого вопроса можно продемонстрировать на одном примере.

Разнообразието на пътуването, рисковете, възбудата, която го обземаше при допир с други мошеници, подобни на него, **щяха да го изтръгнат** от това състояние, да запълнят отново съществуването му (Д. Димов. Осъдени души). Здесь выделенная форма будущего в прошедшем переводится на русский как 'должны были вывести его' или 'должны были бы вывести его' или 'могли бы вывести его' и т.п.: во всех вариантах перевода эксплицируется та или иная модальность.

Но даже простые темпоральные формы, в частности, настоящего, будущего времени или аориста, не всегда нейтральны в прагматическом отношении.

В этикетном общении (в формулах приветствия, знакомства и т.п.) настоящее время выглядит слишком «прямым», бесцеремонным. Правила вежливости допускают или даже рекомендуют в такой ситуации замену формы презенса имперфективной. Так, в непринужденном болгарском общении возможны замены вроде *Вие как се казвахте?* вместо *Вие как се казвате?* 'Как вас зовут?' или *Вие откъде бяхте?* вместо *Вие откъде сте?* 'Вы откуда?'. Один литературный пример.

– И все пак нали е офицер?

– Е, да, но той не е истински офицер, той е фармаколог...

– **Това пък какво беше?**

– Нещо като аптекар (П. Вежинов. Дъх на бадеми).

Выделенная часть означает: 'А это еще что такое?' – вопрос касается ситуации в настоящем. По мнению Й. Пенчева, таким образом «спрашивающий намекает, что он уже знал ответ на вопрос, но теперь не знает; не знает также и о том, как изменился мир, знакомый ему с точки зрения прошлой ситуации, потому и запрашивает информацию» (KOSIESKA-TOSZEWA [et al.] 1996: 182). С нашей точки зрения, дело здесь в другом. «Сдвигая» ситуацию в план прошлого, говорящий пытается «смягчить» свой вопрос, облегчить установление контакта. И, по-видимому, данная тенденция носит более или менее универсальный характер, ср. вопросы в сфере обслуживания типа *Что вы хотели?* вместо *Что вы хотите?* и т.п.

В сочетании с показателями грамматической пассивности или безличности формы настоящего времени изъявительного наклонения легко принимают оттенок воликативной или дебитивной модальности. Покажем это на следующих примерах.

Туй търпи ли се бе! Че оставете тъмното, него кой му гледа – ама резил пред сърбите станахме (А. Константинов. Бай Ганю). Выделенная часть цитаты – это возмущенный вопрос: 'Разве это можно стерпеть?...'

Цветко така силно реве: «Джермане-е-е, пренеси го-о-о», че **жилите** на якия му врат **се броят** (Д. Жотев. Джерман). Здесь *жилите на якия му врат се броят* означает 'что можно сосчитать [набухшие] жилы на его крепкой шее'. Форма настоящего времени страдательного залога *се броят* содержит в себе оттенок потенциальной возможности действия.

Старият човек беше клекнал като момченце и държеше в ръката си налъм. Той наистина чукаше кокички, навярно от кайсии.

– За какво ви е това? – запита тя учудено.

– **Ядат се** – отвърна смутено той (П. Вежинов. Рожденият ден на Захари). Старик лаконично отговаря на въпрос, зачен он раскалывает абрикосовые косточки. И използваема им форма настоящего времени *ядат се* означава ‘их можно есть’ или ‘они съедобные’. Сам по себе глагол *ям* в своем значении такого оттенка возможности не содержит, но данная форма его с очевидностью приобретает.

Как известно, в русском языке значение потенциального действия, наставления, рекомендации в принципе заложено в формах настоящего времени глаголов несовершенного вида (см.: ГЛОВИНСКАЯ 2001, 210–214). Особенно наглядны эти оттенки в неопределенно-личных конструкциях (ср.: *Цыплят по осени считают; Деревья пересаживают ранней весной; Ферзем так не ходят*). Но в болгарском языке неопределенно-личный тип предложений неупотребителен, зато пассивные и безличные конструкции, образуемые с помощью возвратной морфемы *се*, чрезвычайно популярны. Они-то, при участии грамматики настоящего времени, и берут на себя часть модальной нагрузки.

Развитие примерно тех же оттенков долженствования или возможности можно наблюдать также у глагольных форм будущего времени. Свидетельством тому служат и переводы соответствующих фрагментов на русский язык.

– Защо **ще те приемат** с разтворени обятия? Кой си ти? Какъв си им? (А. Константинов. Бай Ганю). ‘Почему они должны тебя принимать с раскрытыми объятиями?...’

– Абе какво сте направили вие!

– Как какво? – попитахме ние и той рече:

– Ами утрепали сте ми вепъро!

– Как така **ще утрепеме** твоя вепър! – възразяваме ние, а Пъшо клати глава и настоява (И. Радичков. Матрьошки). ‘Как это мы могли убить твоего кабана?...’

– Тяхната кожа! – изруга офицерът, като стъпка цигарата си в снега. – **Ще се шегуват** със службата! (В. Попов. Това красиво човечество). ‘...Они мне будут шутить со службой!’ или ‘...Как они смеют шутить со службой!’.

Особое место в инвентаре прагматических средств занимают формы перфекта (в болгарской терминологии – «прошедшего неопределенного времени»). Перфект означает прошедшее действие,

которое говорящий не считает нужным связать с определенным моментом в прошлом. Вместе с тем, важнейшая составляющая его семантики – это «состояние как результат некоторого действия в прошлом». Покажем это на примере.

– **Станах лъв** – заяви Петканов. Тази нощ. Не виждате ли?

Докторът сложи очилата си, погледна Петканов и поклати глава.

– Не – каза той. – **Вие не сте лъв. Не сте станали.** Казвам ви го като на приятел (Ст. Стратиев. Лъв стори). Здесь в одном контексте одно и то же событие (мысленное превращение пациента в льва) рассматривается с разных точек зрения: *станах* (аорист), *не сте* (настоящее время), *не сте станали* (перфект). В последнем случае ситуация представлена именно как состояние-результат.

А отсюда, из результативной семантики перфекта, вытекает возможность передачи несвидетельского отношения к изображаемому событию. Недаром некоторые исследователи рассматривают перфект в одном ряду с другими средствами модальности. По мнению В. МАРОВСКОЙ, в основе данной граммемы находится оценочное, квалифицирующее отношение говорящего к грамматическому лицу (МАРОВСКА 1991: 53–57). Как известно, именно формы перфекта создали в болгарском языке основу – материальную и семантическую – для специфического наклонения, которое называют несвидетельским, или пересказывательным. Этому наклонению посвящена богатейшая литература, которой мы здесь не будем касаться (см.: КУЦАРОВ 1994 и др.).

Употребляя формы пересказывательного наклонения, говорящий тем самым снимает с себя ответственность за достоверность передаваемой информации: это лишь его предположение или же отсылка к чужому мнению, чужим словам. Причем формы пересказа в значительной своей части попросту совпадают с перфектными образованиями. Но в данном случае нам хотелось бы только отметить, что формы пересказывательного наклонения выражают не только «несвидетельское» отношение говорящего к изображаемому событию, но и целую гамму прагматически окрашенных значений: предположение, умозаключение, удивление, сомнение, недоверие, восхищение, возмущение и т.п. Приведем иллюстрации только к последнему из перечисленных оттенков. Для выражения категорического несогласия со сказанным или возмущения по поводу сказанного в болгарском есть стандартный способ: повтор «возмутительной» реплики в пересказывательном наклонении. Несколько примеров.

– Слушай – казах аз. Мислиш ли, че Евгени е бил влюбен някога в мен?

– Да, разбира се – отвърна той веднага. <...>

– Никак не му личеше! – казах аз недоволно.

– Брей, **не му личало!** – възкликна Владо кой знае защо заядливо (П. Вежинов. Процесът).

– Гледам, много ти спадна апетитът, откакто спря да ходиш на кариерите...

Апетитът ми **бил спаднал!** Що не си гледаш, Яно, плетчицата, ами ме отклоняваш от моите, както понякога ми се струва, глупости?! (К. Атанасов. Сага за селото).

– ...Ние пълзяхме като сянка, па пак... – озъби се Стефчо.

– **Пълзели сте** като няма нищо тук – красноречиво се почука по челото отделонният на мотоциклистите (К. Грозев. Службата си е служба).

Изначална предрасположеност перфекта к «впитыванию» разнообразных модальных оттенков и повлияла на судьбу этого времени. Ю.С. МАСЛОВ в свое время высказал догадку, что именно дополнительная семантическая нагрузка (основа для несвидетельского наклонения) позволила перфекту сохраниться в системе болгарских глагольных времен и не слиться (как это произошло в других славянских языках) с простыми формами претерита – аористом, имперфектом (МАСЛОВ 1964: 200).

Действительно, многообразные примеры типа *Аз му вярвах!* – *Вярвала му!* ‘Я ему верила! – Она, видите ли, ему верила!’; *Бил съм я подмамил!* ‘Я, видите ли, ее соблазнил!’; *Писал си писма!* ‘Так ты, оказывается писал письма!’ и т.п. не только уточняют диктальную ситуацию (о которой ведется разговор), но и регулируют отношения между собеседниками. Болгарские ученые активно дискутируют по поводу того, можно ли все упомянутые выше прагматические оттенки объединять «под крышей» одной граммы.

Добавим к сказанному, что в болгарском языке существуют и другие типы транспозиции временных форм – в частности, применение формы аориста для обозначения ситуации в настоящем, характеризуемой с высокой степенью категоричности и эмоциональности, типа: *Убих те!* *Изядох те!* (см. НИЦОЛОВА 1984: 173; КОСЕСКА-ТОСЗЕВА [et al.] 1996: 183).

Говоря о прагматических оттенках временных форм, мы то и дело затрагивали область смежной грамматической категории – категории наклонения. Использование каждого наклонения, естественно,

следует рассматривать на фоне других функционально близких форм в том же языке. В болгарском отсутствует инфинитив и не распространены неопределенно-личные предложения. Зато там очень активны конструкции конъюнктива (по-другому, «да-конструкции») и безличные обороты. Это налагает свой отпечаток на использование в речи форм повелительного наклонения для выражения просьб, распоряжений, рекомендаций и т.п. – тех речевых актов, которые в современных классификациях получают наименования реквестивов, инъюнктивов, адвисивов и т.п. (см.: БОГДАНОВ 1990: 55–58).

Движимый побудительной интенцией, говорящий должен по возможности точно разместить конкретный речевой акт на широкой шкале: «необходимость» (приказ) – «возможность» (просьба) – «желательность (рекомендация)»; при этом он учитывает частные признаки, связанные со статусом коммуникантов, общественными условиями и т.п. И. Васева, исследовавшая в сопоставительном плане письменные инструкции на болгарском и русском языках, обнаружила в них в равной степени тенденцию к устранению говорящего и слушающего. Однако для болгарских текстов стандартными формами «инструктивного императива» оказались конструкции возвратного пассива, а для русских – инфинитивные и неопределенно-личные конструкции. При этом выявилась и ориентация на обобщенную личность адресата: «в русском языке в руководствах для специалистов, в паспортах машин, лекарственных индикациях и т.д. выступают обычно неопределенно-личные формы, в кулинарных рецептах – чаще инфинитив, в инструкциях по эксплуатации хозяйственных приборов – императив» (ВАСЕВА 1991: 11). Очевидно, что перед нами – чисто прагматическая информация.

Для выражения вежливой просьбы в болгарском языке регулярно используются глагольные формы сослагательного наклонения с частицей *ли*: *Бихте ли ми направил едно кафе* (букв. ‘Вы бы сварили мне кофе’); *Бихте ли дошли за малко при мен* (букв. ‘Вы зашли бы ко мне ненадолго’); *Бихте ли искали да прочетете моя текст?* (букв. ‘Вы хотели бы прочитать этот текст?’). В русском языке в подобных ситуациях скорее всего была бы выбрана другая форма – повелительного наклонения или же будущего времени с отрицанием (*Сварите мне, пожалуйста, кофе* или *Вы мне не сварите кофе?* и т.п.). Стандартная коммуникативная ситуация автоматически «вычеркивает» у данной формы в болгарском языке гипотетическое значение и заменяет его на этикетно-дезидеративное.

Кроме аналитических форм условного наклонения, в болгарском в принципе существуют и так называемые простые формы, образующиеся суффиксальным способом (*пиввам, ядвам, търпявам* и т.п.). Им тоже присущи дополнительные семантические оттенки – «готовности» или «предрасположенности» к действию. Образуются эти формы с помощью суффиксов *-а-, -ва-, -ава-*, в первичной своей функции состоящих на службе у имперфективации, т.е. у процесса перевода глагола в несовершенный вид. (Таким образом, и здесь мы наблюдаем, как общая система видо-временных форм глагола обуславливает развитие модальных значений – см.: НОРМАН 1994: 182–183.) Главное же для нас – то, что простые формы «эвентуалиса» свойственны болгарской народной речи и, тем самым, употребление их маркирует говорящего в социолингвистическом плане.

Еще одна прагматически насыщенная грамматическая форма в болгарском языке – это деепричастия на *-ейки/-айки*, которые несут на себе печать демонстративной книжности (*мислейки, питайки, бидейки*). За пределами научного или делового текста данные формы часто употребляются с иронической или диалектной окраской. Б. НИКОЛАЕВ, специально исследовавший функционирование деепричастий в болгарских художественных текстах, обнаружил, что из 10 обследованных писателей у двух деепричастия вообще не встречаются, а у остальных употребляются только в авторской речи, но не в речи персонажей (НИКОЛАЕВ 1974: 119–121).

Кроме рассмотренных случаев, определенную прагматическую нагрузку в болгарском языке несут и некоторые другие грамматические средства, в частности, постпозитивный артикль (член). Это проявляется наиболее очевидно при образовании прозвищ и кличек (*Бомбето, Македонеца, Мартеничката, Патерицата* и т.п.), но также и в некоторых особых ситуациях. Приведем в качестве примера одну цитату, в которой разъясняется различие между употреблением слова *затвор* в прямом и переносном значении. Прямое его значение ‘тюрьма’ предполагает использование существительного в членной форме; переносное значение ‘заключение, арест’ такого условия не требует. Если этого не учитывать, у читателя может сложиться неправильное представление:

Авторът (пише Илчев) заявява, че Галилей умира в затвора. <...> Едно е, когато се каже «затвора» (както е у Илчев) – тогава е ясно, че става дума за истински затвор, а друго е «затвор». Както сам Илчев обяснява, Галилей умира във вилата си, «където действително е бил под надзор на инквизицията», което нищо друго не

означава, освен че собствената му вила е била превърната от инквизицията в «затвор» – в преносния, пък ако щете и в буквалния смисъл на думата (Н. Хайтов. С лека ръка).

О других прагматически окрашенных явлениях болгарской морфологии – таких как обусловленное использование местоименных форм, *да*-конструкций и т.п. – см. обзор в (Ницолова 2008).

Рассмотренные примеры утверждают нас в мнении, что прагматические смыслы могут быть «упакованы» в содержание грамматической единицы. Грамматическая семантика отражает – в самом обобщенном виде – модусные ценности, выработанные обществом, и предлагает применить их к конкретным событиям и их участникам.

Цитируванна литература

- АПРЕСЯН, Ю.Д. *Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки славянской культуры, 1995.
- БОГДАНОВ, В.В. *Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты*. Ленинград, 1990.
- ВАСЕВА, И. Инструктивен императив в българския и руския език. *Съпоставително езикознание*. Год. XVI. 1991, кн. 3. С. 11–17.
- ГАРАВАЛОВА, И. За организацията на морфологическата категория «вокатив» и характера на тъй нар. звателни форми в съвременния български книжовен език. *Български език*. LI (2004). кн. 2–3. С. 137–142.
- ГЛОВИНСКАЯ, М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2001.
- ДИМИТРОВА, Ст. *Лингвистична прагматика*. Велес, 2009.
- ИВАНОВА, К., НИЦОЛОВА, Р. *Ние, говорещите хора*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1995.
- ИВАНЧЕВ, Св. Една неописана употреба на членуваната форма (Към въпроса за формата на обръщението в български език). *Помагало по българска морфология. Имена*. София: Наука и изкуство, 1978. С. 212–222.
- КОНЮШКЕВИЧ, М.И. Модальность в свете прагматики. *Вопросы функциональной грамматики*. Сб. научн. трудов. Выпуск 3. Гродно, 2000. С. 58–78.
- КУЦАРОВ, И. *Едно екзотично наклонение на българския глагол*. София, 1994.
- МАРОВСКА, В. Субективните граматикализирани значения на глагола в съвременния български език. *Съпоставително езикознание*. 1991, № 2. С. 51–58.

- МАСЛОВ, Ю.С. К утрате простих форм претерита в германских, романских и славянских языках. *Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского*. Москва-Ленинград: Наука, 1964. С. 192–201.
- НИКОЛАЕВ, Б. Деепричастието в книжовната ни реч. В: Андрейчин Л. (съст.) *Проблеми на българската книжовна реч*. София: Наука и изкуство, 1974. С. 117–125.
- НИЦОЛОВА, Р. *Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език*. София: Народна просвета, 1984.
- НИЦОЛОВА, Р. К вопросу об общей характеристике болгарской морфологии. In: Nagórko, A. [et.al.] (Hrsg.) *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*. (Berliner Slawistische Arbeiten. Bd. 33). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2008. С. 181–190.
- НОРМАН, Б. Модальность в болгарском языке. In: Jachnow H. [et al.]. (Hrsg.) *Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen*. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1994. С. 170–193.
- НОРМАН, Б.Ю. Прагматический аспект грамматики славянских языков. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2009, № 5. С. 76 – 85.
- НОРМАН, Б.Ю. *Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков)*. Минск: БГУ, 2009а.
- ПЪРВЕВ, Хр. Звателни форми на собствените женски лични имена. *Помагало по българска морфология. Имена*. София: Наука и изкуство, 1978. С. 223–237.
- РАДЕВА, П. *Динамика в синтаксиса на съвременния български език*. Велико Търново, 2012.
- ТАЛМИ, Л. Отношение грамматики к познанию. *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1999. № 1. С. 91–115.
- DIMITROVA, St. (red. naukowy) *Български език (seria «Najnowsze dzieje języków słowiańskich»)*. Opole. 1997.
- FILLMORE, Ch. J. The pragmatics of constructions. In: Slobin, D. I. [et al.] (eds.) *Social Interaction, Social Context, and Language. Essays in Honor of Susan Ervin-Tripp*. Mahwah, New Jersey, 1996. P. 53–69.
- KOSESKA-TOSZEWA, V., MALDŽIEVA, V., PENČEV, J. *Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. 6. Modalność. Problemy teoretyczne*. Warszawa, 1996.

Резиме

Борис Ј. Норман

О ПРАГМАТИЧКОМ САДРЖАЈУ ГРАМАТИЧКИХ ЈЕДИНИЦА
(на примеру морфолошких категорија бугарског језика)

Флексибилна природа језичког система пружа носиоцу језика одређену могућност варирања, између осталог, и при избору граматичких јединица. Наравно, ово варирање се не може упоредити са слободом избора речи, стога је граматика много „мање прагматична“ него лексика. Али ипак, морфолошки облици се могу користити за исказивање „спољашњих“ значења која карактеришу однос говорника и слушаоца, или изражавају став говорника о чињеницама о којима се говори. Скоро свака граматичка категорија на својој периферији – у облицима и значењима који су маркирани као иновативни или архаични, или су у одређеној мери околионални, или су веома строго ограничени лексичким факторима итд. – садржи елементе који су у служби социјалне функције говора. Све што у граматички није неутрално, или стилски обојено, условљено је личношћу говорника и слушаоца, дакле све што представља ретку појаву – све је прагматика.

За предмет разматрања у овом раду изабран је граматички систем савременог бугарског језика. Наиме, показује се да на избор одређене форме обраћања (поред три могућности: општи облик, вокатив, одређени облик именице) утиче низ фактора: мушки или женски пол особе (адресата) и, сходно томе, мушки или женски род именице; обраћање непознатом или познатом адресату; званични или „интимнији“ начин обраћања, статус адресата и адресанта, општи „модални оквир“ ситуације разговора; „домаће“ или страно порекло именице; општи или властити тип семантике именице; морфонолошке особености именице (суфикс основе).

У раду се такође анализира употреба облика множине именица, остатака падешких облика, одређеног облика именице, различитих глаголских времена (садашњег и будућег, аориста, перфекта), глаголских начина (погодбеног и приповедачког), као и глаголских прилога и др.

Наведени примери потврђују наш став да различита прагматичка значења могу бити „упакована“ у садржај граматичке јединице. Граматичка семантика одражава – у најопштијем облику – модусне вредности које је друштво формирало, и сугерише да се оне примене у односу на одређене ситуације и одређене учеснике тих догађаја.

Кључне речи: прагматика, граматички облик, граматичко значење, бугарски језик, вокатив, број, време, начин.